

ИНДИЙСКИЙ ДНЕВНИК (1961)

Зинаида Фосдик

29 января. Бангалор. Беседовали о судопроизводстве Музея. Я узнала, что существовал договор, скрепленный документом, по которому Николай Константинович (Рерих) должен был получить за свои картины 225 тысяч долларов с условием, что эти деньги будут в шерах (акциях) Музея, вернее, Мастер Билдинга, и ему пойдут ежегодно проценты в 9 тысяч долларов. Получив шеры, он отдал их на хранение опять-таки Хоршу. Два года ему платили по 9 тысяч, а затем перестали. Эта бумага-договор была послана Николаем Константиновичем в Нью-Йорк во время суда, но, видимо, ее не использовали. И вышло, что ни я, ни другие не знали об этом документе...

Самое странное — позиция Кэтрин*... Ее письмо в пятьдесят восьмом или девятом году снова о том, что только что основанный Музей в Нью-Йорке не жизнеспособен, не будет процветать и расти и лучше ему не быть, показывает ее полную негативность. Правда, Святослав ответил ей прекрасно, указав, что она не права, Музей должен существовать, и ввиду признания Николая Константиновича в России ее мысль является нелепой. Позже она ему написала, признав свою неправоту...

31 января. Сегодня беседовала со Святославом о будущих планах — строительство в Кулу будет, главным образом, посвящено Институту изучения человека, с акцентом на философию и особенно на Агни-йогу. Это главная цель, которую очень ясно рисовала мысль Елены Ивановны в прошлом. Музей, посвященный профессору Рериху, будет иметь огромную важность, поскольку профессор Рерих жил, работал и умер в Кулу. Искусство Святослава также будет там, музей индийского искусства станет еще одной важной частью. У музея будет международный аспект, подчеркивающий, главным образом, искусство и гуманитарные науки. Елена Ивановна получила письмо от Великого Владыки, в котором говорилось, что «в этой стране будет построен Храм, посвященный Владыке». Кулу — идеальное место в Гималаях и станет поистине уникальным центром, притягивающим людей отовсюду. Они смогли бы приезжать, жить и учиться там. Затем Святослав сказал, что намеревается создать Фонд, чтобы он был свободным от налогов и постепенно рос от получаемых пожертвований. Такие организации в Индии есть, и это лучшая

Продолжение. Начало см.: «Вестник Ариаварты», 2002/2. С. 95-104. Оригинал дневника написан вперемежку на русском и английском языках. Перевод английских фрагментов выполнил Егор Фалёв.

* Кемпбелл-Стиббе Кэтрин (1898-1996), одна из ближайших сподвижниц Рерихов в Америке, многие годы главный попечитель и вице-президент Музея Н.Рериха; была дружна со Святославом Рерихом, который неоднократно писал ее портреты.

форма для начинания в Кулу. Он также просил меня приехать и жить и работать в Кулу, очень приветствовал бы мое пребывание там. Конечно, он согласен, что Музей и Общество Агни-йоги должны укрепиться в Америке, но заметил, что после этого я должна быть в Кулу — это место должно стать Гималайским Центром, магнитом, который будет притягивать искателей духа и серьезных учеников со всех частей света. Я счастлива от его веры в меня и моей будущей работы с ним.

Работала над биографическими сведениями профессора Рериха и печатала рекомендательные письма на русском, которые Святослав дает мне. Получила письмо от Милы* — дома всё в порядке. Пришла телеграмма от директоров Музея Н.Рериха с поздравлением Святослава по поводу присуждения ему правительственной премии. Я сообщила им об этом два дня тому назад — рада, что они ответили так хорошо.

Немецкая семья местного инженера и строителя приглашена сегодня на чай. Мы вместе ходили на озеро, в манговую рощу (5 деревьев дают 5000 манго), милая прогулка. Очень жарко, завтра может пойти дождь.

1 февраля. Поехала с Девикой в город. Закончила со своими туфлями. Заехала в Миссию Рамакришны — чудесное новое здание, большой, длинный зал с алтарем в конце. Там портрет Рамакришны и цветы вокруг него. Еще один небольшой алтарь — с портретом «Матери», его жены. На стенах у алтаря — портреты учеников, среди которых выделяется Вивекананда. Спокойное, тихое место, требуется молчание. Входить нужно без обуви.

Потом поехали в «Храм Быка», ему 450 лет. Необычная статуя гигантского быка из камня. Не очень приятное ощущение. Служащий здесь монах говорит по-английски. Вокруг дети плаксиво просят подаяния. По пути видела университет, тюрьму, технический колледж, ипподром — симпатичные здания, дружелюбный город. Очень жарко.

В последние свои дни Николай Константинович знал, что уходит. Он часто декламировал стихотворение А.К.Толстого о владельце дома, уже ушедшем, и как всё разваливается. В бумагах Юрия Святослав нашел текст этого стихотворения. Незадолго до кончины Николай Константинович вышел на балкон в Кулу — день был мрачный — посмотрел на долину вниз и сказал: «А когда-то я считал это прекрасным»...

Также Юрий за десять дней до своего ухода сказал Девике, что желал бы умереть в Индии.

Николай Константинович написал картину «Гуру Чарака», очень похожую на «Святого Пантелеймона». Вероятно, судя по словам Святослава, в Индии будет около 1000 картин Николая Константиновича.

В Гималайском Институте Святослав не работал, там был занят Юрий, больше по тибето-китайской медицине, археологии. Святослав считает, что ботаника и некоторые другие изыскания не должны были там иметь место. Ботаник Кёльц оказался безусловно вредным типом. А «белокурая»** его упорно подбивала на вредное.

* Стрва Людмила Феликсовна (ок. 1920–1980), в эмиграции жила в Харбине, в течение десяти лет была ученицей Б.Н.Абрамова, руководившего группой Живой Этики. Переехала в Южную Америку, с конца 1950-х годов работала в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке. Ближайшая помощница З.Г.Фосдик.

** Эстер Лихтман, журналистка, до 1935 года близкая сотрудница Рерихов, вице-президент Института Гималайских исследований «Урусвати». Состояла в родственных отношениях с Зинаидой Фосдик, сестра ее первого мужа Мориса Лихтмана.

Зинаида Фосдик

Вообще, она вредила, где только могла, в то же время уверяя Елену Ивановну в своей преданности и умении всего достичь в Америке. Долгое время имела влияние на Елену Ивановну. Я рада узнать, что Святослав ее раскусил и не любил.

Святослав и Девика много рассказывают мне о Советском Союзе, очень хвалят, видимо, полюбили людей и жизнь там. Говорят, что в этой стране они могли бы жить, если не в Индии.

Девика — удивительная женщина, сочетает неутомимую активность, целеустремленность, исключительный административный талант, некоторую суровость и железную волю с поэтическим уклоном, пониманием красоты и большой любовью к Индии. Строга к другим, но также и к себе. Очень дисциплинирована, всем заведует, всё умеет, успевает во всех направлениях, прекрасно знает людей, обстоятельства — умница. Провела детство, юность в Европе, училась там, затем прошла суровую школу в фильмах, с первым мужем, создали современный подход в постановках, работали упорно, терпели нужду, но достигли признания в стране. И донны все знают актрису Девикю Рани. Она же теперь всецело предана Святославу, его искусству и заботе о широком признании его как художника. Организует рекламу, обо всем заботится, ничего не упускает.

Много интересного рассказывает мне об Индии. Южане талантливы, умны, быстры, но ненадежны, могут быть годами вашим другом, а в один прекрасный день пойти против вас. Северные индийцы более открыты, проще, жизнерадостны, надежны, не обманут. Сама Девика из Южной Бенгалии. Благодаря ей я узнаю немало об Индии и разных классах, о чиновниках — малое жалованье, высокий налог, так что должны искать заработок на стороне. Богачи, живущие в роскоши, один такой имеет отель в Дели и приглашает жить у него. Когда главная жена низама, правителя Хайдерабада, едет в город, все закрывают лавки, ибо она велит посылать ей всё, что она выберет, конечно, даром. Низам ее боится. Остальные жены обеспечены им, у каждой есть пожизненная рента. Многие махараджи бедны, хотя и получают пенсию от правительства.

Посетила с Девикой лучший отель в Бангалоре «Вест Энд». Большие залы, рестораны, прекрасные коттеджи (отдельные), большой сад, главным образом для туристов — американцев, англичан. Еда плохая, говорит Девика. Пока лучшее впечатление — мир, который чувствуется в Миссии Рамакришны. Также своеобразны лавки на главной улице. Много забавного, за всё купленное нужно требовать подписанный счет, иначе, возможно, надуют. Сделали мне по заказу хорошие туфли и раз шесть исправляли, пока не стало вполне удобно. Только в Индии это возможно. То же и с портным. Впрочем, он хитрец, и с ним Девика обращалась строго...

Еда здесь обильная, особого приготовления, без соли. Очень свежая зелень. Каши здешние полезны. Уже привыкла к еде. Самое лучшее — сад: сию, слышу пение птиц, смотрю на чудесные цветы, мирно на душе. Что дальше?

3 февраля. Утром засела за проверку сделанного русской дамой перевода статей о выставке Святослава в Советском Союзе. Нашла неточности, ошибки, работала до двух часов дня...

Ланч со Святославом. Беседовали о здешних антикварных дилерах и наживах на покупке и продаже древних статуй, бронзы и других редкостей. Когда-то они шли за гроши (тогда и можно было собирать прекрасные коллекции). Святослав жалеет, что Институт «Урусвати» вместо ботаники, изучения растений, в то время не занимался приобретением редких вещей — тогда их можно было доставать за бесценок. Была бы собрана солидная коллекция, оставалась бы в Кулу и имела

большое значение. Теперь же всё очень дорого, не купить. Приехали американские и европейские дилеры и всё, что могли, скупили.

Золота в стране здесь масса, и золотые изделия обыкновенно 22-й пробы, что гораздо выше, чем в Америке (14, самое большее — 18). Бриллиантов много, все их любят, запасаются ими, и каждый индус обыкновенно их приобретает. Вообще, они любят украшать себя золотом и другими драгоценностями.

Я просмотрела списки картин у Боллинга (58) и у Кэтрин (106). Просила перепечатать их для меня на машинке — полезно иметь все списки.

Снова спрашивала и узнала, что Кэтрин заплатила 2400 долларов, чтобы «выкупить» картины, которые Хорш отдал государству, по-видимому, за налоги, предположительно не выплаченные профессором Рерихом, — 106 картин, профессор Рерих привез их в Нью-Йорк в 1934 году...

6 февраля. Днем говорили об американских учреждениях и делах. Практическое распределение. По мысли Святослава, не соединять духовное руководство с практическим ведением культурного учреждения. Он в 1931 году, приехав в Индию, предсказал, что дела в Нью-Йорке распадутся. Идея, в общем, правильная, но я указала, что пока для нашего Музея не будет отменен государственный налог, пока он не получит постоянные привилегии, пока не начнут поступать пожертвования, дотации и т.д., Музей не сможет расти. Много беседовали на эту тему.

Уже в 1929 году было ясно, что Хорш — жулик, но всё же он оставался у дел, хотя родители и знали об этом.

Я расспрашивала о последнем годе жизни Елены Ивановны. Она постарела, похудела, много и напряженно писала, у нее часто бывали судороги в правой руке. Но бодро поднималась по лестнице к себе. Очень любила сад с чудесными фризиями, лилиями, орхидеями и т.д., гуляла в нем. Но за ограду не выходила. Ела мало, рис, томаты, салат, фрукты, овощи сырые и вареные, кофе.

Жена Святослава также сказала мне, что Елена Ивановна много говорила о Кулу как о будущем центре. Главный дом назывался «Аркадия» — он и есть «Урусвати». Позже мы вместе беседовали в студии, и Святослав говорил, что прежде всего должна быть галерея для картин Николая Константиновича и его. Она должна быть за памятником Николаю Константиновичу. Другие здания пойдут под разные нужды, но галерею необходимо устроить в новом здании. Несомненно, Кулу станет в будущем огромным культурным центром. Недалеко там Манали — летний курорт, куда едут на лето послы и главы правительств.

Из Тривандрума привезли для реставрации портрет доктора Казинса — очевидно, был подмочен. Приятно было увидеть доктора Казинса* — он ведь давно уже умер, был прекрасным человеком...

Узнала много интересного о жизни здесь. Административные должности оплачиваются скудно. Васудев, министр внутренних дел, получает восемьсот рупий в месяц, половина из них идет на «налог с дохода». На такие малые деньги существовать трудно. Повсюду устраиваются популярные приемы в его честь, подносятся золотые блюда, ларцы, иногда просто золото. Так что периодически он получает очень ценные дары и, продавая их, имеет огромное дополнение к доходу,

* Казинс Джеймс Генри (1873-?), ирландский поэт, литератор и журналист; с 1915 г. жил в Индии. Известный деятель адьярской ветви теософского движения, инициатор отдела искусства в журнале «Теософист». Друг семьи Рерихов. В июне-июле 1939 г. целый месяц гостил с женой в Кулу. Автор ряда статей о творчестве Н.К.Рериха.

становится богатым человеком. Лично он не может устроить синекуру для просителя, но обыкновенно направляет его к кому-то, иногда к своему же брату или родственнику, а последний оказывает такую любезность за большую плату, которая передается высокому лицу в администрации. Нет, видимо, разницы в приемах Востока и Запада.

Налоги здесь невероятно высоки. Около 9 разных налогов на каждого. Но что удивительно, это налог на уже имеющуюся собственность или капитал. Например, у кого-то в банке двести тысяч или имущество на эту сумму. На это налагается налог, который платится каждый год! Кроме того, также платится большой налог на заработок, чем больше доход, тем выше налог. Вчера Святослав читал в газете, что на кого-то был назначен налог, превышающий доход, вроде он заработал сто тысяч, а заплатил за них 125 тысяч! Что же делают люди, спросила я. Судятся годами, правительство ничего не может с них получить. Но промышленникам и земельным собственникам лучше. Налоги на землю и производство сравнительно меньше. Прав Святослав, говоря, что ему невыгодно продавать картины — чем выше плату он получит, тем больше налогов должен будет платить. В результате он остается без картин и без денег. Лучше не продавать.

Святослав читает лекции для известных организаций, вроде «Молодежи Индии», адресуя их рабочим, интеллигенции, но старается это делать редко. Отнимает много времени, а также, если он выступает в одном Обществе, могут обидеться другие.

Святослав и Девика очень хвалят Россию, могли бы там жить, если не в Индии, лучше, чем где-либо. Ценят дух людей, рост духа и верят в ее огромное будущее. Но также любят Индию, ценят в ней чистоту духа народа, охрану древних традиций, веру в богов, в церемонии, говорят, что простой народ живет этим тысячи лет. Если отнять всё это и дать лишь технический прогресс, ничего не останется. Но здесь есть всё-таки взяточничество, подкупы, богатые всегда ухитряются обойти закон, платить мало налогов, делать сделки и наживать миллионы. Интересный случай рассказан был мне о том, как Девика открыто сказала главе правительства, что он назначил главой фильминдустрии ничтожного, невежественного человека, который абсолютно ничего не понимал в этом и, в свою очередь, назначил своих людей на разные должности, платил им большие деньги. И она отказалась работать в фильминдустрии, сказав открыто всё, что думала о таком политическом назначении. Он ее назвал бенгальской тигрицей. У них немало было таких стычек, но всё же они старые друзья. Он очень ценит и любит Святослава.

7 февраля. Совершенно замечательный день. Утром просматривала перевод статьи о методе живописи Святослава, сделанный переводчицей, нанятой Девикой. После обеда Святослав сел со мной и мы поправили этот перевод — на самом деле, очень хорошая статья.

Доктор Раджаманнар, судья высшего суда в Мадрасе, их старый друг, приехал после обеда и остался на ужин. Очень милый человек, эрудированный, драматург, хорошо известный своими пьесами. Мы говорили о философии, христианстве, буддизме. Он явно агностик, но знает очень много. Принимает Христа, но видит много ошибочного в интерпретации христианства. Принимает Будду, но не историю его первых лет жизни — встречи с больным, мертвым и т.д. Он видит в этом символы. Рассказывал также о древнейшем индийском храме в Мадрасе, который мы собираемся посетить. Храм был построен более 2000 лет назад и почитается всей Индией — паломники, простой народ, туристы приезжают тысячами посмотреть на

него. Он сказал, что, согласно древним писаниям, этот храм принадлежал в разные эпохи различным религиям — буддизму, до этого одному более древнему культу, Лакшми, и другим — своеобразный синтез всех верований...

[8 февраля]. Этим утром я отправилась с Девикой в город... С ней вместе заехали за доктором Раджаманнаром к нему домой (приятные, просторные комнаты, европейская мебель) и отправились в Татгуни.

Доктор Раджаманнар рассказывал об индийской музыке — не осталось никаких книг, никаких летописей, только устная традиция из поколения в поколение, несмотря на то что *вина* до сих пор всё еще изучается. Он много знает не только об индийской музыке, эрудирован во многих областях, но при этом очень скромнен. Его мнения по юридическим вопросам были настолько известны, что их цитировали за рубежом, в США. После ланча разговаривали на разные темы, рассказывали смешные истории. Святослав рассказал историю. Один человек был приговорен шахом к смерти, и перед казнью шах спросил его: «Какой смертью ты бы хотел умереть — выбирай, и я исполню твое желание». — «Ваше величество, — ответил человек, — я бы хотел умереть от старости»... Моя первая встреча с высоко культурным индийцем была очень интересной и ценной...

Когда начнет работать Институт Урусвати, начнется публикация книг — в том числе, как я понимаю, книг Елены Ивановны. Я предложила публиковать их здесь, в Индии, под совместным покровительством Общества Агни-йоги (США) и Фонда Урусвати (Индия). Изучение гуманитарных дисциплин, астрономии, философии и т.д. планируется проводить под руководством соответствующих специалистов, которые какое-то время будут жить в Кулу и работать. Доктор Раджаманнар и другие способные юристы организуют этот Фонд.

[9 февраля]. Святослав и Девика поехали в аэропорт, чтобы встретить дочь их друга из Англии. Их не будет до самого вечера. Я прогулялась до озера, видела индийских женщин, которые стирали на камнях свои сари, мыли руки и ноги. Сидела на скамейке, смотрела на журавлей, летящих через озеро, — восхитительный вид. Женщины подметают дорожки повсюду, убирая опавшие листья и лепестки. Очень большая работа делается в этом огромном имении множеством мужчин и женщин.

Написала письмо Мэри Джулизи, потом читала «Добротолубие». Святослав сказал, что возьмет рукописи Елены Ивановны в Кулу — «Надземное» — и там я смогу просмотреть его. Жаль, что не могу работать здесь, имея свободное время.

[11 февраля]. Сегодня утром ездили посмотреть «Хиндустан Тул Фэктори»* — величественное сооружение, построенное шесть лет назад. Производит машины, всевозможные станки, инструменты, наручные часы...

После ужина вечером говорили о многих духовных предметах. Святослав рассказал историю о своей двоюродной бабушке, которая жила в России. Однажды зимой они с мужем отправились навестить соседей и сбились с пути. Они ехали на санях в пурге и вдруг увидели свет. Поехали на свет и увидели огромное имение, о котором понятия не имели, хотя знали всех своих соседей. Подошли к воротам, позвонили в звонок. Вышел привратник, открыл дверь и сообщил, что хозяев нет

* станкостроительный завод «Хиндустан»

Слева направо, сидят: Девика Рани, Зинаида Фосдик,
Святослав Рерих. Индия, 1961

дома, но пригласил их зайти и переночевать. Двоюродная бабушка сказала: «Я ни за что не войду в этот дом, я раньше здесь жила. За дверью вы увидите пианино, над ним — портрет молодой девушки. Это я. И я была здесь очень несчастна». Муж вошел и увидел всё так, как она описала. Она не стала заходить, они спросили дорогу и уехали.

Святослав рассказал также историю о Елене Ивановне (она сама рассказывала мне ее давным-давно, но я забыла). Она была со своей матерью на Ривьере, имела пари с молодым офицером, он проиграл и уплатил сумму. Елена Ивановна не хотела брать деньги, но ей пришлось их взять. Тогда она решила поехать в Монте-Карло и там играть на эти деньги. В ту ночь ей приснился сон и во сне были сказаны числа в определенной последовательности, которые должны были выиграть. На следующий день они с матерью поехали в Монте-Карло. Все столы были заняты. В конце концов они подошли к какому-то столу, Елена Ивановна вспомнила первое из тех чисел, поставила на него деньги и выиграла. И повторила это со всеми остальными числами, которые запомнила в точности!

12 февраля. День рождения Елены Ивановны. Я говорила со Святославом, и он подтвердил — я не была уверена насчет даты...

Поехали в Рамановский исследовательский институт. Во-первых, это замечательное место с несколькими зданиями, самое грандиозное из которых — это сам институт. Он (Раман) высокий тучный человек лет 70-ти или больше, очень живой, энергичный. У него большой нос, красивые глаза, и он так увлечен тем, что делает, что хотел бы, чтобы вы знали об этом всё. Сначала он показал нам электрическую машину, которая повышает и понижает вибрации звука. От мягкого, нежного тона до мощнейшего, пронзительного, воющего звука. Это его эксперимент, направленный на изучение человеческого уха, которое, как он говорит, очень мало изучено. Потом он показал нам свою замечательную коллекцию драгоценных камней, рассказал, как они были найдены, объяснил различия в их цвете — очень красивые камни. Залы с замечательными коллекциями птиц, редких бабочек, минералов. Прекрасная библиотека, зрительный зал. Его кабинет (рабочий), в котором он показал нам три больших ларца с драгоценностями. В первом — награды: Нобелевская медаль, французская медаль, итальянская, медали из института Франклина и из разных других стран. Среди них также большая медаль профессора Рериха. Показал свой Нобелевский диплом — очень тонко изукрашенный лист бумаги в прекрасной голубой корочке. Во втором ларце хранятся многочисленные облачения, соответствующие различным званиям доктора, присвоенным ему в разных странах, а также дорогие подарки — подношения. В третьем ларце в разноцветных пластмассовых коробочках лежало много камней — он ценит их даже больше, чем драгоценные коллекции в стеклянных ларцах. Хотел показать нам под спектроскопом структуру алмаза (шкалу вибраций, похожую на кривую кровяного давления, и длину волны), но прибор не работал.

У него замечательные сады, он сам их разбивал, и там уже выросли прекрасные деревья и цветы, особенно розы. Острый ум, очень талантливый человек, с обильной энергией, планирующий и глядящий в будущее, как если бы перед ним было еще 50 лет жизни. Подарил каждому из нас по аметисту и по книжечке (мне — об опале, моем камне!) со своим автографом. Интереснейший визит!

Вернулись и пообедали в отеле «Вест Энд». Девика и я рано поехали домой.

Получили милое письмо от Кэтрин из Флориды. За чаем разговаривали со Святославом. Он посоветовал съездить вместе из Нью-Дели в Агру. А потом я бы одна поехала в Бенарес, Аллахабад, Сарнатх и в Калькутте встретила бы с ними. Замечательная идея! В Бенаресе и Аллахабаде есть картины профессора Рериха.

Также говорили о Юрии — действительно, были предостережения относительно его надвигающейся смерти. Девика вспоминала, что говорила Елена Ивановна о Юрии, а также о Святославе, о его жизни, работе. Святослав очень хорошо сказал о людях, которые, при нынешнем темпе развития мировой ситуации, будут скоро искать уединения. Я заметила, что джунгли Индии предоставят замечательное место для этого. Здесь люди будут обретать мир, удовлетворенность и уединение...

12-го февраля видела Чашу для подаяний Владыки Будды, переданную Елене Ивановне чудесным образом. Утром Святослав взял меня в свою студию и показал величайшую реликвию и священнейшее сокровище мира, Чашу для подаяний Владыки Будды. Он также дал мне свою статью с подробным описанием Чаши и наброски-чертежи, которые он сам сделал с нее. Я прочитала. Невозможно описать чувства, когда смотришь на этот священный предмет, и потом, когда он дал мне поддержать ее в руках. Ей больше 5000 лет (так он сказал), и слезы набегают на глаза, когда смотришь на нее.

Чаша эта из глины, коричневатого цвета, со светлыми просветами, снаружи ясные отпечатки пальцев, т.е. как ее держал Будда в руке, она держится на ладони, чувство большой плотности и силы в ней. Внутри видны как бы четыре раздела в виде треугольников, ряд линий, отпечатанных в глубине, как бы двойная буква «М» в волнообразном рисунке, также сбоку трещина. Чувство огромной древности. По легендам и преданиям, она появлялась и исчезала, летала по воздуху в ту страну и место, где ей надлежало быть. Китайские путешественники описывали ее в V и VII веках в Индии, Персии, в буддийских монастырях, где она хранилась временно. Пришла она, завернутая в очень старый, потертый материал, к Елене Ивановне и Николаю Константиновичу чудесным образом. Святослав ее хранит. Камень же был взят Юрием Николаевичем, когда он уехал на родину. После его смерти Святослав привез Камень с собой сюда.

Сегодня день рождения Родной нашей. Никогда не забуду этого дня. Мы долго беседовали со Святославом. Он дал мне прочитать бумагу (устав) организованного им и Юрием Николаевичем Траста в Кулу, где указано, как должно поступить со всеми оставленными писаниями Елены Ивановны и Николая Константиновича, с картинами и с устройством Центра. Я эту бумагу переписала... Опять-таки вижу, что Кэтрин, полтора года тому назад, когда писала Святославу, что желательно прекратить Музей, что она не видит, откуда придут деньги и т.д., повернула его мысли от Америки. Из-за письма Кэтрин Святослав скептически относится к Музею и делам в Америке. Картины посылать туда не собирается, все помыслы на расширение музеев в России. Посылка туда картин из Риги (если таковые там не выставляются — он узнал, что из 26 лишь 3 выставлены), постепенное перенесение картин из квартиры Юрия Николаевича (а их там больше 60-ти, с рисунками) в Русский Музей в Ленинграде, также устройство там большого архива Николая Константиновича. Должно быть 5 залов для картин Николая Константиновича, так было обещано Святославу.

Здесь, в Индии, имеется немалое число картин, некоторые в Кулу (кажется, 50-60), но Святослав думает выставить около 40. Теперь экспонируется 15, он прибавит 25, когда будет выстроено новое здание. Юрий Николаевич взял с собою, когда уехал, 600 картин. В разных местах Индии находятся картины Николая Константиновича в сохранности. Думаю, в Индии около 1000 картин, с имеющимися в Музеях...

Еще спросила Святослава. Чаша Будды пришла к ним в 1933 году, в декабре. Была принесена лично Великим Владыкой и дана Елене Ивановне. Николай Константинович был в то время с ней, а затем он уехал. Был у нас в Америке в 1934 году в марте. Святослав видел Чашу, поднимающуюся в воздухе. Она глубочайшей древности, существовала еще до Будды, в употреблении древними Великими Учителями, была в Тибете дольше всего, в Египте, в Индии. Такие священные предметы передвигаются, когда наступает пора. Так будет и теперь. Когда нужно будет, и Камень также уйдет, но пока они здесь.

Я спросила Святослава относительно молодежи для будущих трудов. Здесь пока он такой не знает, но видит на родине. Конечно, это не те, кто знал Юрия, но другие. Советовал обратить внимание на Зелинского, Рыбакова и т.д. Я спросила, как Елена Ивановна думала обо мне в связи с Кулу. Святослав ответил, что она несколько раз упоминала об этом, то есть видела меня работающей здесь. Он вновь сказал, что я буду долго жить. Если еще поработать 3-5 лет в Америке, всё там укрепить и наладить в Музее, в Обществе, тогда можно подумать и о Кулу...

Прочла превосходную статью о выставке Святослава в Нью-Дели, вернее, речь, произнесенную Сайвидайном, бывшим министром образования в Индии. Он же является одним из членов Треста «Ур», основанного Святославом.

17 февраля. Мадрас... Мы поехали в Адьяр. Мертвое место: заброшенные участки земли, неприглядные здания с ужасными современными изображениями Будды и других Учителей. Прошли в библиотеку — невежественная, ужасная американка сказала, что музей закрыт, она не может пропустить нас вовнутрь — ужасная личность. Однако позже мы все-таки попали туда — бедный музей! «Вестник» профессора Рериха висит там, но он выцветает! Стелянные ларцы с медалями, кубками миссис Безант. Портрет Елены Петровны Блаватской, один из ранних — и больше ничего, принадлежавшего ей. Старые бронзовые статуи — всё выглядит очень бедно. Тюрбан М[ахатмы] М[ории], который он дал Олькотту, другие достопамятные предметы хранятся в архивах. Какое печальное зрелище — умирающее Общество!!

Пошли навестить Рукмини Деви, бывшую жену Арундейла (миссис Безант, я полагаю, называла ее инкарнацией Девы Марии!) Теперь она стоит во главе большого центра музыки, драмы, танца, искусств и ремесел — «Курукшетра». Мы хотели посмотреть этот центр, но сегодня он был закрыт. Она даровитый человек, собрала большие средства и ведет прекрасную работу, как мне сказали.

Приехали домой, после ланча отдохнули, потом я пошла со Святославом в магазин Спенсера, что-то вроде универмага. Купила сыр, ветчину, печенье и т.д. Вернулись, попили чаю, потом переоделись и пошли на большой званый вечер, устроенный доктором Раджаманнаром в честь нас троих. Прием проходил в саду отеля «Вудлэнд» — длинный большой стол, сласти. Милые люди — деятели образования, музыканты, кинорежиссер, художники — мужчины и женщины. Меня специально посадили между двумя учеными. Один, доктор Рагаван, профессор Мадрасского университета, санскритолог, авторитет в области древней музыки, много рассказывал мне о Ригведе — гимнах, сложенных строго в определенном размере. Эти гимны создавались импровизацией, передавались от учителя к ученику устно, с учетом четвертей тонов. Рассказывал об учениках, которые работают целыми годами и изучают эти древние формы, используя их для певческого искусства, под аккомпанемент вины, скрипки, некоторых барабанов. Говорила с ректором музыкальной академии, который сказал, что устроит для меня завтра прослушивание музыки. Другой человек, композитор, говорил о рагах — их сотни, это музыкальные формы, только мелодии, никаких гармоний, — о сочинении музыки в этих формах, об импровизации. Встретила и других замечательных людей. Прекрасный вечер, на открытом воздухе, со звездами и молодым месяцем в небе. Какая жалость, что я не могу дольше оставаться в Мадрасе — это важный музыкальный центр — и научиться большему!

Но очень грустное чувство оставило Теософское общество — мертвый труп без будущего. Столь славное начало — и столь ужасное состояние теперь! Святослав и Девика сказали, что разум госпожи Безант на долгие годы оставил ее — после этой ужасной истории с Кришнамурти. Она жила без памяти, забывала людей и так далее — до тех пор, пока не умерла.

18 февраля. Рано утром ездили в Махабалипурам, в 40 милях от Мадраса — посмотреть величественные храмы дравидийской архитектуры VII века, памятники Паллава — Наказание Арджуны, Кришна. Береговые храмы — просто замечательная

резьба (по камню), статуи, орнаменты, бык — огромная статуя. Затем поехали в Канчипурам — столь же чудесный, более позднего периода, IX-XI вв., обширное пространство, покрытое большими и маленькими храмами, быками, статуями, длинные дорожки, море в отдалении. Проехали через многие деревни, прекрасная страна. Остановились для ланча-пикника в гэст-хаузе. Проехали в деревню, где делают шелковые и хлопковые сари. Купила два хлопковых сари по 50 рупий, Девика — три шелковых, домотканые, сделанные деревенскими женщинами.

В Махабалипураме встретили махараджу Бутана, его премьер-министра и свиту, меня пригласили к нему — он сейчас с государственным визитом в этой стране. Вернулись домой в четыре — очень уставшие, но это был прекрасный день...

20 февраля. Первый день в Нью-Дели. Прекрасный большой город... Дели — как Вашингтон, в некотором смысле. Но магазины очень отличаются — другой мир. Ходили через торговые ряды беженцев — что-то вроде длинной улицы, на которой стоят сотни лавок беженцев из Пакистана. Они остались здесь, и им разрешили открыть торговлю. Этот бизнес теперь очень вырос (так мне сказал Святослав).

21 февраля. Сегодня утром взяли такси и поехали в Национальный Музей, встретились с директором — доктором Грэйс Морли, очень милой женщиной, американкой. Она знала Музей Рериха в Нью-Йорке. Дала ей наш каталог, она дала нам свой. Древние скульптурные изображения замечательны — Мохенджо-Даро и Хараппа, II век до н.э., а некоторые даже 2500 до н.э. — дерево, камень. Мощные торсы, утонченное искусство. II-III вв., Кушана — очень экспрессивные движения, выражения лиц. Впечатлила школа Гупта V века (Матхура). В более поздние века, V-X, в различных частях Индии — больше прорабатываются детали, ощущается сильное греческое и римское влияние. Восхитительная коллекция! Живопись различных школ, миниатюры просто потрясающие! Особенно Могольская школа XVI века, необыкновенна история Кришны и Радхи — тонкая, прекрасная работа являет великое искусство украшения. Китайская живопись не столь живая, как тибетские танки, но изысканная, печальная.

Вернулась домой около часа, усталая... Поспала часок, зашла к Святославу на чай. Они пошли на прием, звали меня идти с ними, но я предпочла сходить на индийский фильм «В каждой стране течет Ганг» (на хинди) в театре Регал, с Радж Капуром в качестве актера и продюсера. Очаровательная история о простом добром человеке, который борется с бандитами и т.д. Прекрасные танцы, пение очень мелодичное, барабаны, музыка — очень хорошие съемки, но слишком долго. Два милых человека, индийская леди и ее муж, сидели по обеим сторонам от меня и всё мне объясняли. Вернулась в 10. Девика и Святослав как раз ужинали, я присоединилась к ним. Не могу привыкнуть есть в такое необычное время!

22 февраля. Утром пошли в Сельскохозяйственный Институт, очень известное учреждение в этой стране, чтобы посмотреть картины профессора Рериха. Там 25 работ, из них в Библиотеке — 3, очень большие, висят в читальном зале, где работают студенты. Они бесподобны, великолепные цвета, но висят плохо — слишком высоко, и свет отражается в стеклах. К сожалению, доктор Пал, директор и известный ботаник, был занят и не мог встретить нас. Также осмотрели сады — замечательные розы, фризии, деревья и т.д., один из профессоров всё нам показывал...

23 февраля. Сегодня утром пошли на встречу с доктором Радхакришнаном, вице-президентом страны — воистину замечательный пожилой человек! Говорили о старой Индии, которая не застыла в своих традициях, а движется вперед, как и должно быть. Цитировал из Гиты, Шакунталы, рассказывал о великом Риши, который пришел к Гуру, и тот спросил у него, кто он. Тогда мальчик пошел к своей Матери, и она сказала ему: «Я была служанкой во многих домах, знала многих мужчин, я не знаю, кто был твоим отцом, но я — твоя мать». Гуру принял его и сказал, что он будет честным человеком, и он оказался великим Риши. Рассказал, как они беседовали с Б. Расселом на «Би-Би-Си»*, и Рассел попросил его — «Пожалуйста, не говорите о религии». Доктор Радхакришнан пообещал говорить обо всем, кроме религии, и придерживался своего обещания. Рассел в ходе разговора сказал: «Я несовершенный человек — я очень много знаю, но мне не хватает религии, и вы, доктор Радхакришнан, единственный человек, который может научить меня этому». А когда они закончили беседу, доктор Радхакришнан сказал: «Ну что, кто заговорил о религии? Я не говорил!»

Он также говорил об абстрактном искусстве, которое нужно объяснять, и о реалистичном, подлинном искусстве, которое вдохновляет человека... Цитировал прекрасные изречения из Вед, переводил их на английский. Говорил о многих женах Рассела, но не осуждал его за это. Но главным образом говорил о движении Индии вперед, о том, что она не застывает в старых традициях, но развивается, приспосабливаясь к условиям нынешнего века.

Я рассказала ему о своих близких отношениях с семьей Рерихов, о нашем Музее в Нью-Йорке, о живописи профессора Рериха, о своем желании узнать всё о произведениях профессора Рериха в этой стране. Рассказала ему, что родилась в России и стала американкой, а также что я люблю Индию и надеюсь в следующем воплощении стать индианкой. Он сказал — зачем ждать следующего воплощения? Почему уже теперь не стать индианкой? Все рассмеялись, и вскоре мы ушли. Просвещенный человек, говорит на многие темы, великая душа, чудесный писатель, мыслитель, обладает обширнейшими знаниями. Я действительно очень рада, что встретила с ним...

26 февраля. Села на ночной поезд и замерзла до смерти, так как у меня не было ни подушки, ни одеяла, а вагон был с кондиционером. Приехала в Джайпур в 3-30 утра после ужасной ночи. Служащий отеля позвал меня, и я добралась до отеля «Джай-Махал Пэлас» — неплохая комната, поспала пару часов, умылась, рано позавтракала, взяла машину с экскурсоводом на день за 62 рупии и отправилась в Амбер-Форт. Форт и дворцы, построенные в XVII-XIX вв., расположены очень высоко над городом, высокий индусский архитектурный стиль, мрамор и штукатурка расписаны так искусно, что выглядят как мозаики Тадж-Махала...

После ланча поехала во дворец махараджи — прекрасный образец того же стиля архитектуры, но здесь уже нет столь изысканных цветочных росписей... По дороге видела Дворец Ветров — огромную розовую стену, прекрасно выстроенную, просто фасад дворца — за ним ничего нет. Кстати, «Джайпур» буквально означает «Розовый город». Очень красивые, необычно широкие улицы, люди ходят медленно, и очень жарко!! Видела обсерваторию, построенную древним махараджей, — множество солнечных часов и специальных сооружений, позволяющих определять время по солнцу. Необычная архитектура...

* Британская радиовещательная корпорация

2 марта. С утра направилась в «Америкэн Экспресс», где мне сказали, что в Бенаресе нет гостиницы — было похоже, что поездка срывается. Однако позже всё прояснилось, и я узнала, что могу выезжать в субботу...

Святослав много говорил о своем проекте музея в Кулу, с галереей для современных выставок, о музее старинного индийского искусства и о музее Рериха с картинами профессора Рериха и его собственными. А также об исследовательской работе и изучении Гималаев, и об Институте по изучению Внутреннего человека.

3 марта. Упаковывалась всё утро. Сегодня здесь большой праздник, под названием Холи, люди веселятся, бродят по улицам, некоторые брызгают на каждого встречного цветной водой, сыплют цветным порошком, так что многие в этот день сидят дома. Это день веселья — первый день весны, день радостной, безудержной гульбы и забав. Я пообедала со Святославом и Девикой...

В 5 часов господин Сараф зашел на чай по моему приглашению, и мне открылось, насколько он замечательный духовный человек. Он директор Всеиндийского Совета по Ремеслам, я встретила его в офисе госпожи Камаладеви, потом еще раз у нее дома, на ужине. Сегодня мы разговаривали около двух часов, сначала о выставке искусства и ремесел в Музее Н.Рериха в 1962 году, потом я рассказала ему о своих мыслях об Индии, как много она может дать нам из своего духовного наследия. Он, в свою очередь, спрашивал меня о моих духовных убеждениях и вере (не в смысле религии). Я рассказала ему, чему меня учил профессор Рерих, что я верила, прежде всего, в служение людям — человечеству, что верю в единство между нациями, народами, индивидуумами. Всё это ему было явно интересно. Он рассказал мне, как он был воспитан. Он никогда в жизни не чувствовал, что какая-либо религия или ритуал как таковые могут дать человеку духовное просветление, поэтому пошел к одному известному святому, который стал его Гуру, и у его ног он сидел несколько лет, учась немногим золотым правилам, которые этот учитель проповедовал в простой, мудрой форме, поскольку сам был простой, просветленной душой.

Учитель говорил ему о служении, о Благе (в делах и в мыслях), о простоте, о распознавании. Он говорил об этом на простом языке всем тем, кто к нему приходил. Однажды очень ученый человек, который не верил в Бога, пришел к нему с одним из учеников этого святого, чтобы поговорить о Боге. Когда он сказал, что не верит в Бога, святой сказал: «Пожалуйста, не говори всего этого, просто ответь на несколько вопросов. Нравится ли тебе быть счастливым и что ты понимаешь под состоянием счастья?» — Человек сказал: «Когда я со своей женой». — «А что еще?» — «Когда я с добрыми друзьями» — «А что еще?» — «Когда я занят приятным делом — читаю хорошую книгу и т.д.» — «А когда ты не делаешь всего этого, ты счастлив?» — «Нет, — ответил человек, — я несчастлив». — «Вот поэтому ты и должен найти свое внутреннее Я, чтобы ты мог быть счастливым. Это и есть обретение Бога». Человек почувствовал, что это правда и что именно это он искал, и стал учеником святого. Так господин Сараф нашел свой путь в жизни, в работе не для денег или личного удовлетворения, но в служении, видении добра в людях и простоте.

Он также рассказал мне о другом Гуру, к которому однажды пришел человек, наслышанный о его мудрости. Он застал его работающим на рисовом поле и спросил: «Как это вы работаете на поле, подобно обычному человеку, не живете вдали от людей, не медитируете! А я-то пришел к вам, чтобы найти Бога!» Учитель ответил: «Бог в том, что я беру рис с одного клочка земли и сажаю его в воду на другом клочке — он повсюду». И еще он рассказал о великом Гуру прошлого — Кабире, как

С.Н.Рерих. Сарвапалли Радхакришнан. 1958.
Государственный музей Востока, Москва

к нему пришел ученый, с ослом, нагруженным книгами, для того чтобы доказать, что он, ученый, знает больше, чем Кабир. Войдя в деревню, он встретил девочку и спросил ее, где живет Кабир. Она спросила: «Зачем он вам нужен?» Он ответил: «Я пришел потому, что спорил со многими учеными людьми, которые многому научились от меня. А теперь я хочу говорить с Кабиром». А девочка сказала: «Но, разговаривая со всеми этими людьми, познали ли вы на самом деле свой ум?» Человек был изумлен этим ответом и спросил: «Кто ты?» Она ответила: «Я дочь Кабира». И ученый подумал: «Если такова дочь Кабира, то каков же тогда Кабир?» И он отправился прочь, не встретившись с Гуру.

Кажется, глубокая вера г-на Сарафа не в том, чтобы просто разговаривать на духовные темы, цитировать шастры из Писаний, знать наизусть Гиту, но в исполнении в жизни того, что человек знает и чему научился. Не так давно он был в Америке, жил в Нью-Йорке, а также в Гарден-Сити, изучал экономику, торговлю, организацию, производство и т.д. Американцы ему нравятся — он говорит, что они искренни, открыты, дружелюбны. Говорил о людях в Индии — тех, кто не работает, а лишь отдает приказания другим, и принадлежат к богатому классу, и о тех, кто на самом деле работает, но их немного. Однако, по его мнению, Индия сейчас быстро развивается в русле подлинной демократии и прогресса. Нет никакой пользы в том, чтобы говорить, что ничего не удастся сделать и всё плохо. Он подлинно духовный человек. Когда я вернусь в Нью-Дели, он представит мне своего сына (у него шестеро детей), который, по его словам, скромн и хочет учиться. Возможно, он пошлет его в Америку, если сможет это себе позволить. Хочет пригласить меня посетить его дом в конце марта, после моего возвращения. А также даст мне письмо к госпоже Кумарасвами, вдове бывшего хранителя Музея в Бостоне, которая сейчас пишет книгу о муже.

Это был замечательный вечер. Как только я вернулась в свою комнату и начала писать, зашел молодой человек, господин Бхарадвадж Кумарсайн. Он — друг Святослава (его ученик), живет совсем рядом с «Урусвати», имеет фруктовый сад и обожает Кулу, где он родился. Знает об Агни-йоге (говорил о «Сердце»), очень милый молодой человек. Встретит нас в Кулу и будет полезен, как мне кажется...

(Продолжение следует)